

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом)

Галина Анатольевна Заварзина¹, Буасаенг Раттананорн²

Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия

¹Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, современной русской
и зарубежной литературы,

тел.: +7(473)264-44-17, e-mail: zga1311@mail.ru

²Аспирант гуманитарного факультета,

e-mail: rbuasaeng@yahoo.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному описанию русских пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом, выступающих необходимыми конститuentами паремиологической картины мира, и особенностей их функционирования в современном речевом пространстве. Исследуемое паремиологическое пространство в русском языке новейшего периода представлено тремя группами пословиц и поговорок: цитируемые классические антропонимические паремии, которые воспроизводятся носителями русского языка в неизменном виде, новые паремии и паремии-трансформы. Активизация трансформационных процессов в сфере паремий на рубеже XX–XXI вв., возникшая как реакция на изменения в экономической, политической и духовной жизни общества, обуславливает актуальность настоящего исследования. В работе выявлены механизмы трансформаций пословиц и поговорок, определены типы структурных, семантических, стилистических и структурно-семантических изменений и дана их лингвистическая оценка. Представлена типология современных социокультурных реалий, отображаемых пословичными трансформами, и проанализированы способы их отображения. Сделан вывод о том, что паремии поговорок с антропонимическим компонентом в современной речи чаще всего демонстрируют неприятие автора речевого произведения сложившихся в обществе и языке стереотипов, а также являются элементом смеховой культуры.

Ключевые слова: паремиологическое пространство, паремия, пословица, поговорка, цитирование, трансформация.

Для цитирования: Заварзина Г. А., Буасаенг Р. Паремиологическое пространство современного русского языка (на материале пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 178–182. DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_178.

Введение

Паремиологическое пространство современного русского языка – это совокупность различных по происхождению и степени востребованности в современном дискурсе паремий, под которыми понимаются «вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [1, с. 34; 2]. В паремиологическом фонде представлена важная информация культурологического и прагматического характера, которая отражает стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт. В процессе речевой реализации паремии воспроизводятся в готовом виде или претерпевают разного рода трансформации, являющиеся отражением способностей носителей языка к творческому мышлению в публицистической и бытовой сферах человеческой деятельности в соответствии с конкретными задачами коммуникации.

Одни исследователи считают, что в настоящее время создание паремий (во всяком случае в массовом порядке) прекратилось, поскольку паремиоло-

гический жанр является наследием народной (собственно крестьянской) культуры [3]. По мнению представителей подобной точки зрения, современные пословицы и поговорки представляют собой не что иное, как функционально-семантические трансформации их традиционных вариантов.

Другая группа ученых убеждена в том, что в современной речи продолжается процесс создания пословиц и поговорок, однако объем абсолютно новых паремий, несомненно, является незначительным [4].

Результаты

Анализируя пласт русских паремий с антропонимическим компонентом, мы пришли к заключению о том, что исследуемое паремиологическое пространство в русском языке новейшего периода представлено тремя группами пословиц и поговорок:

1) цитируемые классические антропонимические паремии, которые воспроизводятся носителями русского языка в неизменном виде.

Возникнув в «доистории русского фольклора» [5, с. 29], исследуемые русские паремии включают в свой состав одно имя собственное, среди которых самыми частотными мужскими именами являются

Иван, Макар, Фома, Еремей (ср.: *Всяк Еремей про себя разумей: когда сеять, когда жать, когда в скирды метать. Сиди, Ерема, дома, считай веретена. На бедного Макара все шишки вальтятся – и с сосен, и с елок. Видать Фому и в рогожном ряду*), а женскими – Марья, Варвара, Маланья, Акулина (ср.: *Не у всякого жена Марья – кому бог даст. Пошла Варвара на расправу. Дали голодной Маланье олады, а она говорит: испечены неладно. Жаль Акулину посылать по малину*) [6]; два антропонима: мужское имя + женское имя (ср.: *Не идет Федора за Егора: а Федора идет, да Егор-то не берет. Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает. Сидит Арина – рот разиня; Возьмём да покрасим, и выйдет Герасим*) или два мужских имени (ср.: *Сидор да Борис за носы подрались. Фома не без ума, Ерема не без промыслу. Не только людей, что Фома да Фаддей. Фофан с толокном, а Сидор с волокном*); три антропонима (ср.: *В трех братьях дураки – Иванушки, а одиночные – Емели да Афони. Ванька, встань-ка; Семка, пойдем-ка; да ступай и ты, Исай! Ты, Исай, наверх ступай; ты, Денис, иди на низ; а ты, Гаврило, поддержи за молотило! Наша-то Марья вашей-то Дарье двоюродная Парасковья*); четыре или пять антропонимов (ср.: *Всякий Демид себе норовит. Всякий Филат на свой лад. Всякий Яков про себя вякай. Всякая Ховря знай свою ровню. Вавило, красное рыло. Иван болван. Андрей ротозей. Фекул губы надул. Пахом вся рожа в один ком*).

В научной лингвистической литературе паремии характеризуются «как логически законченные анонимные высказывания, устойчивые в языке и воспроизводимые в речи», которые по структуре представляют собой простые или сложные предложения.

Традиционные паремии – простые предложения представлены двумя наиболее частотными моделями:

а) притяжательное местоимение (наш) + имя собственное (ср.: *Нашему Макарку все огарки. Нашему Макару все угарно. Нашего Миня не проймешь и в три дубины. Наш Сергунька не брезгулька, ест пряники и неписанные. У нашего у Фали рукавицы спали*) [7], представленная разновидностями: наш + сущ. в И. п. (ср.: *Наш Андрей никому не злодей; Наша Варвара не любит ухи без наваря*), наш + сущ. в Род. п. с предлогом у (ср.: *У нашего Филата спина горбата*), наш + сущ. в Д. п. без предлога (ср.: *Нашему Ивану нигде нет талану. Нашему Петру скотина не ко двору*), наш + сущ. в В. п. / Р. п. без предлога (ср.: *Нашего Миня не проймешь и в три дубины*),

б) определительное местоимение (всякий, каждый) + имя собственное (ср.: *Всяк Аксён про себя умён. На всякого Егорку есть поговорка. У всякого Федотки свои отговорки. Каждый Никитка хлопчет о своих пожитках*). Отмеченное явление обуславливается отсутствием тесной связи с единичным конкретным объектом, необходимым для функционирования имени собственного. Примеры подобного употребления антропонимов Ф.И. Буслаев считал видом синекдохи и отмечал, что «живее и нагляднее употребить название лица вместо человека вообще»: «...лицо выступает здесь как обозначение собирательной национально-языковой личности» [8, с. 59].

Паремии – сложные предложения, как правило, имеют структуру бессоюзного сложного (ср.: *У Мирона детки Мироничи, у Ивана – Иванычи. Фома*

не без ума, Ерема не без промысла), сложносочиненного (ср.: *Богат Мирошка, а животов – собака да кошка. Варвара мне тетка, а правда сестра. Друг на дружку, а все на Петрушку. Фомка не по меху, и при нем споем. Кобылка бежит, а Ивашка лежит*) или сложноподчиненного предложения с изъяснительными и определительными отношениями между частями (ср.: *Горюет Фома, что пуста у него сума. Рад Епифан, что нажил серый кафтан. Какова Аксинья, такова и ботвинья. Каков Дёма, таково у него и дома. Что у волка в зубах, то Егорий дал*).

Цитируемые паремии выступают в качестве средства аргументации позиции говорящего/пишущего, маркера его мнения о предмете речи, косвенной характеристики лица. Ср.: «А именно эти надежды и ожидания руководят значительным числом порядочных, искренних людей, поддерживавших Навального. Федот, да не тот» (из газ.); «Мели, Емеля, твоя неделя! Чиновники начали год с похмельных фикс-идей. Так, Минюст предложил изымать единственное жилье у должников, которое сейчас считается неприкосновенным, а Минздрав — запретить продажу табака тем, кто родился после 2015 года» (из газ.).

2) трансформированные антропонимические паремии, подвергшиеся в речи носителей русского языка структурно-семантическим преобразованиям (ср.: *Не по Хуану сомбреро. Куй железо пока Горбачев. Борис Грозный, потому что Николай Первый. Мал Клод, да Ван Дамм* [9]), среди которых целесообразно выделять:

а) паремии, претерпевающие собственно структурные изменения;

Структурные трансформации чаще всего связаны с расширением паремии за счет добавления новых компонентов, что соответствует одной из наиболее активных тенденций развития паремиологического фонда русского языка – тенденции к эксплицитности.

Ср. функционирование сочетания «Фома да Ерема» (шутл.-ирон., о глупых, недалеких людях) [6] в текстах современной публицистики: «*Расчеты Фомы и декларации Еремы*. В рязанском правительстве настаивают на наличии у предпринимателя Пискуна золотого гаража» (из газ.). В данном случае произошло добавление окказионального расширителя [10, с. 27] к каждому компоненту паремии, который способствует конкретизации действий субъектов. Ср. также: *Балканский ящик Пандоры* и др. Окказиональный расширитель в следующем примере способствует уточнению качеств конкретного человека: «*Человек в футляре Фальков*».

Весьма очевидным является тот факт, что трансформированные пословицы с антропонимическим компонентом, подвергшиеся структурным изменениям, обыгрывают ситуации или характеризуют явления (понятия) новейшей эпохи, которых по объективным причинам не было и не могло быть в досоветскую и советскую эпохи (ср.: *Простоват наш Еремей — его ж айфон его умней. У прокрестинатора Федорки всегда отговорки*).

б) семантически модифицированные трансформы;

Так, в настоящее время крылатое выражение «Юпитер, ты сердисься — значит, ты не прав», используемое с целью декларировать, что противоположная сторона в споре излишне горячится и демонстрирует нехватку аргументов, имеет следующий вид: *Юпитер, ты сердисься — значит,*

тебя затмили! Преобразование семантики определило изменение оценочности известного выражения, обусловленное стремлением автора к переоценке характеризуемого субъекта. Ср.: *Споили говорят, народ, а Васька слушает да пьет* [11, с. 56].

Особую группу антропонимических паремий формируют конструкции, в которых происходит замена нарицательных существительных личными именами, что обуславливает создание нового языкового облика классической паремии (ср.: *Чук от Гека недалеко падает. Своя Масяня ближе к телу. Гусман Михалкову не товарищ. Какого Федота вам надо? На безрыбье и дед Мороз – Снегурочка*) [11, с. 38].

в) паремии, подвергшиеся преобразованиям стилистического характера.

Как показало исследование, стилистические изменения пословиц и поговорок с антропонимическим компонентом отражают процессы активизации двух важных тенденций развития паронимического пространства современного русского языка:

- тенденции смешений стилистически маркированных единиц в структуре классических паремий (ср.: *Хороша Одетта, да стремно одета. Не дружил Алеша с мылом, в результате стал дебилом* [9, с. 60]),

- процессы чрезмерной вульгаризации. Описывая явления паремиологической «вульгарики», В.М. Мокиенко отмечает ее подчиненность общим законам жанра и активную «моделируемость по горизонтали и вертикали, которая предполагает активное образование пословиц вокруг слов-компонентов с обценным значением» [11] (ср.: *Хороша Зульфия, на не понимает ни...чего*).

Совершенно очевидно, что изменения в структурной организации паремии обуславливают их семантико-стилистические трансформации. Так, например, расширение структуры фразеологизма «демянова уха» за счет стилистически сниженного расширителя обуславливает появление контекстуальных смысловых приращений (ср.: *демянова уха образованщины*).

В большей части паремиологических новообразований прослеживаются контуры обновляемого прототипа. Ср. трансформы частотной пословицы с антропонимическим компонентом «Хороша Маша, да не наша» (о девушке, которая обладает всеми положительными качествами, является привлекательной, но недоступной) [7]: *Хороша Маша, да не наша. Хороша Ольга, да не вылью столько. Хороша Параша, да Ленина старше. Хороша Агата, да жена магната. Хороша Марина, да полом – мужчина. Хороша Феллиция, но ее ищет полиция. Хороша Флора, но не люблю ее ора. Хороша Амалия, да широка талия. Хороша Анна-Мария-Изабель-Лючия-Хосе-Луиза-Кристина, да у мамы имя длинно. Хороша Яна, но она с изъяном (<https://vk.com/>). Как видно, символическая доминанта классической паремии сохраняется во всех ее структурных и семантических вариациях.*

Современные трансформированные паремии могут создавать иронические контексты для характеристики явлений или понятий из различных сфер человеческой деятельности: из политической сферы (ср.: *В огороде бузина, а в Киеве Юлька. Хороша Хакамада, да лучше не надо*), из экономической сферы (ср.: *Карл у Клары украл доллары, а Клары у Карла – кварталный отчет*), из спортивной сферы (ср.: *Лучше Кержаков на поле, чем Месси на*

носилках) и др. По мнению В. Мидера, в «пародированных, искаженных или раздробленных пословицах», традиционная мудрость паремий сочетается с явлениями юмористической или сатирической речевой игры [12].

3) новые паремии с антропонимическим компонентом.

Как показывает анализ научной литературы по исследуемой проблематике, для обозначения трансформированных и новых паремий в научной лингвистической литературе используются разные термины и терминологические сочетания, как-то: «антисловицы» и «антипоговорки», «контрпословицы» и «антипаремии», «антикрылатые слова (выражения)», «перекрученные (исковерканные) мудрости», «размолоченные (опустошенные) фразы» [12; 13; 14; 15], «фразеологизмы – бессмыслицы» [Айсман; 17], «антифразы» [18] и др.

Новые паремии с антропонимом создаются в речи по легко узнаваемым структурным моделям типа, свойственным классическим пословицам и поговоркам, однако с точки зрения языкового оформления и семантики представляют собой совершенно уникальные единицы. Ср.: *У троля Федота – сто четыре бота* («бот» – комп., специальная программа, которая позволяет заменить ручное действие на автоматическое); *У враля Макара комментов три гектара, а у правдивого Прошки – два коммента и то от кошки* («коммент» – мол., жарг., комментарий); *У фрилансера Емели семь пятниц на неделе: день гуляет, два больно, а на третий выходной. У прокрастинатора Федорки всегда отговорки*. Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что в современной разговорной речи отчетливо просматривается тенденция к снижению уровня обобщения используемых устойчивых фраз, назначение которых состоит не в отражении и трансляции общих закономерностей жизни, а в характеристике конкретных участников речевого акта.

Кроме того, в новых паремиях русского языка обнаруживается тенденция к принижению моральных человеческих ценностей. Увеличивается количество фраз, не критично характеризующих ситуации, достойные осуждения: *Если гора не идет к Магомеду, то травки было недостаточно* («травка» – мол., нарк., жарг.; анаша или марихуана). При образовании этой паремии использован фрагмент пословицы, выступающей в качестве интертексты (прецедентного текста), под которой понимается «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста, вовлеченный в межтекстовые связи» [19], что обусловило новую интерпретацию элементов содержания традиционной паремии.

Выражения с антропонимическим компонентом, являющиеся продуктом словотворчества современных носителей языка и построенные по особым моделям, на наш взгляд, целесообразно относить к афористическому фонду русского языка (ср.: *На десятый день карантина моя собака сказала мне, что никогда не считала Ницше серьезным философом. А вот Трамп хочет прекратить в Америке карантин, объявленный из-за коронавируса. Видно, там нашли другое средство от пенсионеров. Самые распространённые вредные привычки – курение, кока-кола и Коэльо*). Думается, что в корпус подобных выражений можно включать достаточно широкий пласт словесных знаков, состоящий из афоризмов, максим и сентенций, крылатых слов и выражений, цитат и др. Четкое разграничение по-

добных языковых единиц оказывается невозможным, что объясняется зыбкостью границ между ними, а также особенностями способов их образования. Ср.: «... многие черты и свойства паремиологического пространства, т.е. всей системы пословиц и поговорок, связанных различными типами отношений и обнаруживающих разной степени общность и отличия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), распространяются не только на классические образные пословицы, но и на иные типы единиц» [20, с. 36]

Выводы

Исследование показало, что цитируемые, трансформированные и новые единицы паремиологического фонда выполняют различные коммуникативные функции и демонстрируют огромные возможности системы русского языка новейшего периода. Паремии в настоящее время могут служить средством подтверждения позиции создателя речевого произведения, демонстрировать неприятие сложившихся в обществе и языке стереотипов, а также отражать ироническое представление современных

носителей русского языка о новых жизненных ценностях в изменившихся социально-исторических условиях. В современном русском языке наибольшей активностью отличаются пословицы и поговорки с ярко выраженным эмоционально-оценочным содержанием, которые возникли как реакция на перемены, произошедшие в экономической, политической и духовной жизни нации. Эмоциональная оценочность современных паремий создается, как правило, за счет разрушения паремиологических стереотипов в результате структурных и(или) семантико-стилистических изменений. В отличие от классических паремий, выполняющих функции поучения молодого поколения и передачи особенности истории, культуры и быта народа определенной эпохи, современные паремии ориентированы на достижение смехового эффекта или разрушение норм (языковых или морально-этических).

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Семененко Н. Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий, 2020. 191 с.
2. Паремиялогия без границ : монография / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М. : РУДН, 2020. 244 с.
3. Spears J. The Metaphor in American Folk Speech // *Folklore*. 1973. Vol. 29. No. 1.
4. Мокиенко В. М. Современная паремиялогия (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.
5. Андреев Н. П. Проблема истории фольклора // *Советская этнография*. 1934. № 3. С. 28–45.
6. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М. : Эксмо, 2004. 382 с.
7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. яз., 1991. 534 с.
8. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. Буслаевым. М. : Тип. А. Семена, 1854. 116 с.
9. Иванов Е. Антипословицы Рунета : типология и словарь. Минск : Право и экономика, 2009. 72 с.
10. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 289 с.
11. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа : словарь. СПб. : Нева, 2005. 573 с.
12. Mieder V. Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs. Vermont, 1998. 396 p.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
14. Иванов Е. Е., Боровая И.И. Типы русских антипословиц // *Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов* : в 2 ч. Мозырь, 2007. Ч. 1. С. 16–19.
15. Адамчик М. В. Антипословицы и афоризмы. Веселая и умная книга. Минск : Харвест, 2012. 158 с.
16. Айсман В. Z problemu frazeologii polskiej i slowianskiej. Wrocław-Warszawa-Łódź, 1988. S. 99–114.
17. Крейдлин Г. Е. Структура афоризма // *Проблемы структурной лингвистики*. М., 1989. С. 196–206.
18. Гуїванюк Н. В. Антифразійні висловлювання як засіб гумору та іронії в усній народній творчості // *Українська мова і література: історія, сучасний стан, перспективи розвитку: Науковий збірник*. Тернопіль, 1999. С. 182–186.
19. Сидоренко К. П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» // *Слово. Фраза. Текст*. М. : Азбуковник, 2002. С. 317–330.
20. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / науч. ред. В.М. Мокиенко. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 296 с.

References

1. Semenenko N. N. *Lingvokul'turologicheskoe opisaniye struktury i semantiki paremii* [Linguocultural description of the structure and semantics of the paremias], 2020. 191 p.
2. Bredis M. A., Lomakina O. V., eds. *Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders]. Moscow, RUDN Publ., 2020. 244 p.
3. Spears J. The Metaphor in American Folk Speech. *Folklore*, 1973, vol. 29, no. 1.
4. Mokienko V. M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) [Modern paremiology (linguistic aspects)]. *Mir russkogo slova*, 2010, no. 3, pp. 6–20.
5. Andreev N. P. Problema istorii fol'klora [The problem of the history of folklore]. *Sovetskaya etnografiya*, 1934, no. 3, pp. 28–45.
6. Dal' V.I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 382 p.
7. Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1991. 534 p.
8. Buslaev F.I. *Russkie poslovitsy i pogovorki, sobrannye i ob'yasnennye F. Buslaevym* [Russian proverbs and sayings collected and explained by F. Buslaev]. Moscow, Tip. A. Semena, 1854. 116 p.

9. Ivanov E. *Antiposlovitsy Runeta : tipologiya i slovar'* [Runet anti-words: typology and dictionary]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2009. 72 p.
10. Tretyakova I.Yu. *Okkazional'naya frazeologiya* [Occasional phraseology]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova, 2011. 289 p.
11. Val'ter Kh., Mokienko V.M. *Antiposlovitsy russkogo naroda : slovar'* [Anti-words of the Russian people: a dictionary]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2005. 573 p.
12. Mieder V. *Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs*. Vermont, 1998. 396 p.
13. Mokienko Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok : bolee 40 000 obraznykh vyrazhenii* [A large dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2013. 783 p.
14. Ivanov E. E., Borovaya I. I. [Types of Russian anti-phrases]. *Tekst. Yazyk. Chelovek : sbornik nauchnykh trudov : v 2 ch.* [Text. Language. Man: collection of scientific papers: in 2 vols]. Mozyr', 2007, vol. 1, pp. 16–19.
15. Adamchik M.V. *Antiposlovitsy i aforizmy. Veselaya i umnaya kniga* [Anti-talk and aphorisms. A fun and clever book]. Minsk, Kharvest Publ., 2012. 158 p.
16. Eisman V. *Z problemy frazeologii polskiej i slowiańskiej*. Wrocław-Warszawa-Lydź, 1988, pp. 99–114.
17. Kreidlin G.E. [The structure of aphorism]. *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow, 1989, pp. 196–206.
18. Gujvanjuk N.V. [Antiphrasing lingering as for humor and iponyiya in usniy folk creativity]. *Ukrai'ns'ka mova i literatura: istorija, suchasnyj stan, perspektyvy rozvytku: Naukovij vdorichnjik*. Ternopil', 1999, pp. 182–186.
19. Sidorenko K. P. [Intertext interpreters in the «Dictionary of Pushkin's winged expressions»]. *Slovo. Fraza. Tekst* [Word. Phrase. Text]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002, pp. 317–330.
20. Seliverstova E.I. *Prostranstvo russkoi posloviцы: postoyanstvo i izmenchivost'* [The space of the Russian proverb: constancy, variability; scientific]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2017. 296 p.

Поступила в редакцию 28.03.2021

Подписана в печать 01.03.2021

PAREMIOLOGICAL SPACE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(based on the material of proverbs and sayings
with an anthroponymic component)

Galina A. Zavarzina¹, Buasaeng Rattanaporn²

Voronezh State Pedagogical University^{1, 2}
Voronezh, Russia

¹*Dr. Philolog. Sci., Head of the Department of the Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature,*
tel.: +7(473)264-44-17, e-mail:zga1311@mail.ru

²*Postgraduate Student of the Faculty of Humanities,*
e-mail: rbuasaeng@yahoo.com

Abstract. This article is devoted to a comprehensive description of Russian proverbs and sayings with an anthroponymic component, which are necessary constituents of the paremiological picture of the world, and the features of their functioning in the modern speech space. Russian paremiological space is represented by three groups of proverbs and sayings: quoted classical anthroponymic paremias, which are reproduced by native speakers of the Russian language in an unchanged form, new paremias and paremias-transformations. The activation of transformational processes in the sphere of paremia at the turn of the XX-XXI centuries, which arose as a reaction to changes in the economic, political and spiritual life of society, determines the relevance of this study. The paper reveals the mechanisms of proverbs and sayings' transformation, identifies the types of structural, semantic, stylistic, and structural-semantic changes, and gives their linguistic assessment. The typology of modern socio-cultural realities displayed by proverbial transformations is presented, and the ways of their display are analyzed. It is concluded that paremias of sayings with an anthroponymic component in modern speech most often demonstrate the rejection of the author of the speech work of the stereotypes that have developed in society and language, and are also an element of the laughing culture.

Key words: paremiological space, paremia, proverb, saying, quoting, transformation.

Cite as: Zavarzina G. A., Buasaeng Rattanaporn. Paremiological space of the modern Russian language (based on the material of proverbs and sayings with an anthroponymic component). *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 2, pp. 178–182. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_2_178.

Received 28.03.2021

Accepted 25.05.2021